

АБСОЛЮТНОЕ

О Р У Ж И Е

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

ВЕДЬМИЦА ПОЛЯНА - 2

МОСКВА
2 0 2 4

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г61

Иллюстрация на переплете — *Андрей Клепаков*

Головачёв, Василий Васильевич.
Г61 Ведьмина поляна-2 / Василий Головачёв. — Москва :
Эксмо, 2024. — 320 с.
ISBN 978-5-04-187018-8

Максим Жаров остался жить в другой реальности, среди людей, которые предпочли технологиям слияние с природой. Но им грозит опасность: найдено страшное оружие предков. И даже если их атака будет отбита, мир всё равно рухнет: материки трескаются, смещаются и скоро утонут. Каким будет исход противостояния Роси с Еуроодом? Случится ли обещанный конец света? Согласятся ли росичи переселиться в наш мир? Пока что ясно одно: формула «Кто к нам с мечом придёт, от меча и погибнет!» работает в любом мире.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-187018-8

© Головачёв В.В., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Глава 1

Максим проснулся от того, что кот вскочил ему на грудь и лизнул в ухо. Обычно по утрам он терпеливо ждал пробуждения хозяина, привыкнув к его образу жизни, однако сегодня было не до пиетета: зверь проголодался. Максим вернулся поздно, на ночь ничего в блюдо на полу не положил, и Рыжий решил напомнить о себе.

Максим поднялся, прижал морду любимца к щеке, пробормотал:

— Прости, забыл поухаживать, сейчас позавтракаешь. Кашу хочешь?

— Мона, — облизнулся кот.

Покосившись на соседнюю, оставшуюся неразобранной, кровать — Любава ещё позавчера уехала со своим отрядом быстрого реагирования на берег тепуя и не вернулась до сих пор, — Максим сбегал на первый этаж, помыл оба блюда в кошачьем углу столовой, положил в одно гречневой каши, в другое налил молока и оставил оголодавшего зверя одного.

История с котом началась год назад в Жуковке, откуда он и забрал его домой в Брянск, дав ему имя Рыжий. Но сейчас Максим уже полгода жил в Хлумани, на берегу Роси Узорочьей, в доме старосты Гонты, женившись на его дочери Любаве, и кот остался с ним.

Вернувшись в спальню на втором этаже с кувшином молока, не коровьего, а китового (в жизни не поверил

бы, что ему придётся пить молоко китоврасов, подводных жителей Великотопи), он прилёт снова, но не заснул, несмотря на ранний час: только-только развиднелось. Нахлынули воспоминания.

По образованию Максим (фамилия Жаров, рост метр восемьдесят пять, мастер спорта по настольному теннису, чемпион по метанию холодного оружия) был инженером и работал в Брянском приборостроительном институте. Однако после того, как он с компанией коллег по институту побывал в Сещинском лесу у Чёрного столба и посетил «параллельную» Россию под названием Рось Узорочья, его партикулярная жизнь закончилась. Он с другом детства Саней Зубриком (военком Брянского комиссариата) оказался в гуще событий, влившись в рать защитников Роси, и после войны Роси с Еуродом остался в деревушке под названием Хлумань, по сути являвшейся пограничной заставой, расположенной на берегу столовой горы Роси, которую её жители называли тепуем.

После того как Максим узнал, что Чёрный столб — камень странной формы, стоявший на «ведьминой поляне» Сещинского леса, — на самом деле является порталом в «перпендикулярный мир», образовавшимся двенадцать тысяч лет назад при атаке атлантов на Гиперборею с помощью геофизического оружия, попаданцу удалось поучаствовать в немалом ряде эпизодов борьбы Роси (остатков Гипербореи) с Еуродом (остатками Атлантиды). Он спас Любаву после нападения диверсантов конунга, главы Еуроода, сражался с ним в поединке, сплавал на подводной лодке Роси (здесь эти болотные субмарины назывались лопотопами), обнаружил Крепость Драконов далеко от тепуя Роси, которая являлась когда-то военной базой атлантов, а потом и повоёвал с войсками выроdkов, жителей Еуроода, напавших на северный мыс страны росичей.

Так как «ведьмин портал», располагавшийся в лесу недалеко от Хлумани, по речам местных учёных мог закрыться вследствие деградации пространства временной складки, в какую и попали остатки континентов Атлантиды и Гипербореи, русские мужички, помогавшие отбить атаку вырожденцев, убыли домой в Брянскую губернию. Вместе с ними покинул Рось и закадычный дружок Максима Сан Саныч. Конечно, он пообещал навещать его по мере возможности, но прошло уже полгода, а его всё не было.

В свою очередь и Максим не хотел рисковать походом за Грань, как росичи называли границу между мирами, без Любавы. «Ведьмин портал» мог исчезнуть после перехода, и тогда молодой инженер потерял бы любимую навсегда.

Издали сквозь распахнутое окно, через которое в спальню вливалась живительная прохлада близкого леса, прилетел тихий визг-клёкот.

Максим повернул к окну голову.

Кричал клювар, местное тягловое животное, заменявшее росичам гужевой транспорт. Клювары были дальними родственниками птерозавров. Жуткие с виду, они имели внушительные зубастые пасти, крылья и копыта, но после приручения стали мирными и покладистыми, как обычные земные лошади. Максим давно научился ездить на них и относился спокойно, хотя и не любил это занятие.

Солнце уже встало над лесом на «востоке», и бывший инженер Брянского технологического института привычно сориентировался во времени: четверть седьмого. Обычно он вставал в семь, но сегодняшнее утро началось с мява кота, и лежать дольше не имело смысла.

Мысли свернули к местной природе.

Складка пространства, вместившая Рось после катастрофы распада континуума Земли, жила по своему времени, почти перпендикулярному земному. Войдя в Чёрный столб в Сешинском лесу, человек переставал жить по вре-

мени «родной» Вселенной и, прожив на территории Роси день, мог вернуться в лес буквально в ту же минуту. Местный учёный Хорос, такой же попаданец, как сам Максим, разве что пересёкший Грань на тридцать лет раньше, утверждал, что складка изменяется и скоро исчезнет из-за дробления мерностей. Он называл этот процесс эффузией и деградацией мира, являвшегося не трёхмерным евклидовым пространством, а континуумом с добавкой «доли» четвёртого измерения. По его словам, с этим континуумом пропадёт и Рось вместе с частями Земли, некогда занимаемыми Атлантидой, Гипербореей и участками других континентов, превратившимися в острова-тепуи на гигантском болоте, получившем название Великотопь.

Но если Еурод — тепуй Атлантиды — ступил на технологический путь развития, изобретая машины и технологии, то Рось избрала другой путь — биологического совершенствования, слияния с природой — и ни машинами, ни техническими изделиями не пользовалась. Время росичи не считали, а чувствовали, поэтому в их домах и не было часов. Научился определять время «на глазок» и гость из России, обладавший хорошим психофизическим запасом.

Вернулся кот, забрался на кровать и начал облизывать себя с лап до хвоста.

— Наелся? — спросил Максим.

— Немона, — отозвался мяут, как росичи называли животных. Его фразу вполне можно было интерпретировать как «немного».

Второе название этого рода охотников на мышей здесь носило профессиональный отпечаток — миелов. Они действительно ловили мелких грызунов, селившихся в домах. А ещё Рыжий получил уважительное прозвище-звание «котодлак». Это означало, что он способен провожать людей за границу перехода между мирами и понимать человеческий язык. Мало того, котодлаков можно было научить говорить почти по-человечески, что

иногда и демонстрировал Рыжий. Именно он помог Максиму со товарищи сначала пересечь Грань в Сещинском лесу, а потом вывести туристов с ведьминой поляны.

Почесав ему за ухом, Максим встал, поприседал, отжался сто раз, оделся в домашний холщоп (так здесь называли трико) и сбежал на первый этаж.

Хозяйка дома мати Зоана уже встала и хлопотала по дому, доставая необходимое из хозельца — пристройки с погребом для хранения овощей и фруктов.

Максим поцеловал её в щёку, поблагодарил за заботу, перекинулся парой слов с Матерью Рода, как её называли сельчане, и выбрался на крыльцо.

Хлумань казалась пустой. Во всяком случае, никто по её улицам празднично не шатался, а если кто и выходил, то ради выполнения повседневных работ. Пограничная застава размещалась на окраине городка, и оттуда доносились звуки мирной жизни, далеко разносившиеся по окрестным полям и лесам.

Староста Гонта отсутствовал третий день. Он поехал в Микоростень на встречу с городским посадником. А его дочь Любава, жена Максима, убыла вместе с ним, однако направилась к берегу Роси, где стали строить порт для пограничных катамаранов. Поэтому предоставленный самому себе Максим отдыхал, собираясь через пару дней присоединиться к пограничникам.

Откуда-то вывернулся Малята, разругавшийся от быстрой ходьбы. Одет он был по-военному: в колонтарь, сверкающий защитными бляхами, ферязь с туманными серо-жёлтыми разводами (местный камуфляж) и сапилы — местные сапожки из специально выделанной китоврасовой кожи с подмётками из сигоморы. Это дерево, слегка напоминавшее российский платан, использовалось росичами и в здравоохранении как утолитель боли и восстановитель тканей, а также в приготовлении напитков и в швейно-обувной промышленности.

Брату Любавы исполнилось двадцать лет.

Здесь уместно будет напомнить, что год Роси не соответствовал земному, потому что мир складки не являлся планетой, которая вращается вокруг своей оси, а местное светило вовсе не было звездой в современном научном понимании. Его роль играл четырёхмерный объект (по Хоросу), плавающий над Великотопью кругами и освещающий этот мир. А так как смены времён года, как на Земле, здесь не было, то и временные периоды отсчитывались по вёснам, а не по годам, и средний размер периода не был связан к обороту планеты. Здесь он колебался от девяти до четырнадцати месяцев. Короткие вёсны считались «зимними сменами», длинные — «летними». Максим попал в Рось во время «летнего», когда температура воздуха на всём плато-тепуге не падала ниже двадцати градусов даже по ночам. Хотя и днём было не жарко — всего лишь до двадцати восьми по Цельсию — по оценке самого Максима.

Малята направился прямо к нему, с удовольствием вдыхающему свежий утренний воздух, лишённый каких-либо вредных примесей.

Дружинником Хлумани он стал ещё в восемнадцать лет, а нынче и вовсе примкнул к пограничникам, хотя при этом учился в познаваре — колледже по-русски. Парень прекрасно владел мечом и ножом, поделив первое место с Максимом в чемпионате Роси по метанию холодного оружия. В силу юношеского максимализма он обвинил гостя из России в трусости, когда Любаву похищали диверсанты Еуроа, однако позже, когда Максим с отрядом сотника Могуты спас сестру, переменял своё мнение о попаданце и стал ему кем-то вроде ординарца.

— Привет! — объявил молодой человек, высокий, выше Максима сантиметров на пять, широкоплечий, поджарый, с открытым лицом, на котором отражались все его эмоции, из-за чего он старался всегда держать на лице каменную маску, чтобы походить на отца. Получалось не всегда.

— Воевать собрался? — спросил Максим, оглядев молодца.

— Ты обещал, что мы с утра пойдём тренироваться, — ответил Малята, расплывшись в улыбке, хотя тут же изобразил мину «мужеской сдержанности».

Максим посмотрел на солнце — не слишком яркий жёлтый пузырь в мареве утреннего тумана, всплывший над близким лесом, — хотел сказать, что они договорились встретиться в десять часов (шесть годин, как тут называли этот временной отрезок), но передумал.

— Ты завтракал?

Малята кивнул.

— А я нет. Позавтракаю, отмечусь на заставе и начнём. Может, присоединишься?

Малята снова кивнул.

За полгода он хорошо овладел русским языком, не хуже, чем Максим — росичским, вмещавшим белорусские, древнерусские и украинские корни, поэтому они прекрасно понимали друг друга, нередко вставляя в речь те или иные народные словечки. К примеру, поприветствовал он старшего товарища словом «пагодня», что соответствовало русскому «привет».

Жил Малята не в отчем доме, а на заставе, там же и кормился, хотя в любой момент мог прибежать домой и съесть чего-нибудь вкусенького, что отсутствовало в заставном рационе. Он ещё рос и к тому же вёл активный образ жизни, поэтому мог питаться ежечасно. Однако старался подражать немногословному уравновешенному воеводе, не выдавая своих желаний, но и не отказываясь от приглашений.

Уселись в столовой воеводской домовины. Зоана и Верика, младшая сестра Маляты и Любавы, которой месяц назад исполнилось шестнадцать лет, расставили на столе блюда, и они чинно сели вместе трапезничать. В это утро завтрак состоял из ячменной каши на кито-

вом молоке, тушёной баврки (мяса болотного краба) и травяного чая с хрустиками — жареным гороховым хлебом.

Росичи не сеяли пшеницы, потому что во времена Гипербореи её не существовало, а муку делали из разных круп: гречневой, ржаной, ячменной и из семян подсолнечника, но часто использовали для этого и горох, и бобы, и орехи. Максим больше всего любил лепёшки из смеси ржаной муки, отрубей и дроблёных лесных орехов, превосходивших по вкусу известный в России фундук.

Поблагодарив хозяек за угощение, мужчины отправились на полигон заставы, расположенный за городком на берегу тепуя.

Когда в первый раз Максим увидел перед собой горную стену, в которую упиралась лесная дорога, он не подозревал, что это такое на самом деле. Зато уже через несколько минут пережил нервное потрясение, когда отряд пограничников под предводительством Гонты на полном скаку врезался прямёхонько в скалу... и не разбился! За ним точно так же вонзилась в гору и колесница, на которой ехали Максим и Сан Саныч, и оказалось, что стена — иллюзия! На самом деле Рось располагалась не в низине, окружённой горами, как казалось с первого взгляда, а на вершине столообразной горы — тепуя, а горы были всего лишь голографическим фантомом, порождённым пространством здешнего мира с количеством измерений, не равным трём.

Подбежали — неплохая разминка перед тренингом! — к полигону, размялись.

Полигон представлял собой выступ на плоской скале, нависающей над безбрежным болотом на высоте двухсот метров. Площадью он был примерно равен нормальному земному стадиону. В принципе это была своеобразная полоса препятствий, какие устраивались на военных

базах, в том числе в России, хотя сами они отличались от знакомых Максиму сооружений такого рода. Все препятствия выглядели естественными природными образованиями, а поскольку дружинники и пограничники не были экипированы огнестрельным оружием, то и препятствий в виде противотанковых ежей, «драконьих ежей» и бетонных коробок на поле не было. Повсюду виднелись цепочки каменных глыб разного размера, траншеи глубиной до трёх метров, а также лежали громадные стволы деревьев, из водоёмов торчала щетина острых кольев, а тир представлял собой ров с рядом деревянных столбов и щитов, на которых вешали целики.

Пограничники тренировались здесь каждый день, и целики менялись. В данный момент лишь три столба со щитами имели чистые прямоугольники из берёсты с нарисованными на них змеями, крабами с хвостами скорпионов и крупными насекомыми, похожими на муравьёв. Муравьи были не простые, размером чуть ли не с человеческую ладонь, из них формировались хищные медворы — текучие «медведи» Роси.

Полюбовались серо-сине-жёлто-зелёным океаном Великотопи, уходящим до туманной полосы горизонта, вовсе не округлого, как на Земле из-за её сферичности, и спустились в ров.

Малята снял заплечный несун, как здесь называли рюкзаки, достал ножи, серповидные кидалки — местные бумеранги, и трёхлучевые остряки — аналоги японских сюрикэнов.

— С чего начнём?

— Разомни кисти. Потом возьмём камешки.

Малята вскинул брови.

— Камешки?!

— Неохота менять щиты после бросков. Тут их всего три чистых.

— Я сбегаяю.

— Подожди, к нам гости.

Над обрывом появилась голова мужчины с шапкой соломенных волос.

— Петро, — сказал Малята, — обрадо зреть.

Это был служитель полигона, меняющий повреждённые препятствия и убирающий мусор.

— Добробудь, — пробурчал он. — Рано вы.

— Принесёшь пару чистых целиков?

— Куды ж я денусь? — Голова исчезла.

— Камешки отменяются? — спросил Малята.

— Нет. — Максим нашёл глазами водную полосу посреди рва. — Ищи плоские голыши.

Малята пожал плечами, но повиновался.

Когда Петро, худой, мосластый, припадающий на ногу, принёс ещё два щита, молодой пограничник уже набрал целый несун плоских окатышей, скруглённых временем и непогодой.

— Дале что?

— Помоги установить.

Максим отмерил двадцать шагов по левую сторону бассейна, велел высыпать камни в десяти шагах по правую сторону. Потом они воткнули в каменистое дно рва заострённые шесты, повесили щиты с приколотыми к ним «крабами» и вернулись к горке камешков.

Петро не ушёл, с любопытством наблюдая за действиями утренних гостей.

— Смотри, что нужно делать, — сказал Максим.

Взял в руки гладкий кругляш размером с копытце козла, встал в полуприсед, успокоил дыхание и метнул камень так, чтобы тот отрикошетировал от воды и попал в щит.

Кругляш скользнул по воде, но попал в самый нижний обрез щита.

Петро покачал головой. Малята фыркнул.

Максим не смутился, подобрал второй кругляш.

— Пристрелка.

Второй камень тоже не попал в «краба», хотя после отскока лёг уже гораздо ближе. Зато третий и четвёртый легли точно в цель.

Петро зааплодировал.

— Околеть не родить! Хутче тогось бросае не зазря!

— Теперь ты, — сказал Максим.

Малята встал ровно, прицелился, размахнулся, бросил.

Плоский коричневый блинчик дважды чиркнул по воде и унёсся под щит.

Пограничник смутился.

— Не рассчитал...

— Чуть присядь сначала, покачай равновесие, отцентрируй плечо, потом бросай.

Малята метнул камень, попал в шест, сжал зубы. Начал долго готовиться, снова промахнулся.

Максим показал ему стойку, приподнял локоть.

— Без эмоций, спокойно!

Малята кинул, попал в щит. Но лишь на десятом броске у него стало получаться.

Они раскидали запас кругляшей, и Максим похлопал парня по плечу.

— Молодец, быстро учишься.

— А зачем это, Макс?

— Пригодится на болоте. Выродки не оставят попыток напасть снова, а с берега можно будет кидать дроты с отскоком, когда цель будет прикрыта с фронта.

— Ага, понял.

Вернулись к рубежу для метания. Сначала позанимались стандартными приёмами с ножами с разных дистанций, разбили один из щитов в щепу. Потом перешли на экзотику. Малята старался и практически выполнял всё, что демонстрировал Максим. Как-никак на прошлом чемпионате Роси он занял первое место наряду с Максимом.